

Топорков А.Л. «Повесть о Светомире царевиче» Вяч. Иванова и «Сказание о Мамаевом побоище» // Русская литература. 2011. № 4. С. 111-117.

А.Л. Топорков (Москва)

«Повесть о Светомире царевиче» Вяч. Иванова
и «Сказание о Мамаевом побоище»

Условный исторический фон «Повести о Светомире царевиче»¹ — ситуация в некоем средневековом славянском государстве, под которым подразумевается Московская Русь. Среди событий Повести — борьба против иноверных монголоидных захватчиков и образование централизованного государства, падение Константинополя, основание патриаршества и венчание Владаря на царство. Как отмечал Томас Венцлова, на поверхностном уровне Повесть «прочитывается как исторический роман. Правда, это весьма необычный исторический роман: в нем описана альтернативная, реально не имевшая места история России (и отчасти Византии). <...> Суть того, что делает Иванов, — в синхронизации разновременных событий и тем самым в придании им панхронного смысла (можно было бы также сказать, что сюжет повести разворачивается в некоем параллельном, альтернативном времени). <...> Иванов создает «реальнейшую» историю России, историю, долженствующую быть, как бы *historia sacra*, встающую за *historia profana*» (Венцлова 1988:41-42).

В Повести имеются более или менее явные отсылки к ряду произведений древнерусской литературы: «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Повесть о житии Александра Невского». И все же наиболее важными для Иванова оказались произведения Куликовского цикла и среди них — «Сказание о Мамаевом побоище»².

Как известно, помимо «Сказания», к кругу памятников Куликовского цикла относятся также «Задонщина» и летописная «Повесть о Куликовской битве». При этом, как отмечает Л.А. Дмитриев, «из всех произведений цикла С<казание> — самый подробный и сюжетно-увлекательный рассказ о битве на Куликовом поле в 1380 г. С<казание> сообщает целый ряд подробностей как о подготовке к Куликовской битве, так и о самом сражении, не зафиксированных другими источниками» (Дмитриев 1989:371-372). «Сказание» представлено в рукописной традиции в 8-ми редакциях и множестве вариантов, которые имеют большое число разночтений (Дмитриев 1989:372). Впервые источниковедческое и текстологическое исследование «Сказания» предпринял С.К. Шамбинаго, который подготовил два фундаментальных издания «Сказания» по разным редакциям и спискам (Шамбинаго 1906; Шамбинаго 1907). Результаты исследования С.К. Шамбинаго позднее были частично пересмотрены и уточнены Л.А. Дмитриевым, а тексты, изданные С.К. Шамбинаго, опубликованы снова по рукописям в соответствии с более совершенными текстологическими правилами. Однако для нашей темы издания, подготовленные С.К. Шамбинаго, все же являются основным источником, поскольку именно ими скорее всего и пользовался Иванов.

Вопрос о том, какие именно редакции или списки «Сказания» учитывал при этом Иванов, представляется трудно разрешимым, поскольку писатель апеллировал скорее к общим местам «Сказания», которые имеются в разных

¹ Далее будем называть ее сокращенно — Повесть.

² Далее будем называть его сокращенно — «Сказание».

текстах, а не являются специфическими для отдельных редакций, вариантов или списков памятника.

В соответствии с общими принципами историзма Повести, Иванов не называет прямо ни саму битву на Куликовом поле, ни Мамаю, ни князя Дмитрия Ивановича. На месте Пересвета и Осляби фигурируют два безымянных «латника-исполина». В то же время в Повести имеется множество косвенных указаний на то, что за рядом военных столкновений со степными кочевниками в ней «маячит» образ Куликовской битвы как некоего эпохального события, определившего судьбы восточнославянского государства. Такое осмысление Куликовской битвы в русской литературе начала XX века известно прежде всего по поэтическому циклу А.А. Блока «На поле Куликовом»³ и отчасти по роману Андрея Белого «Петербург»⁴. В этом смысле Иванов продолжал традицию построения символистского метанарратива о русской истории.

О рождении Светомира в Повести сообщается: «Родился Светомир на староселье Горынском в обедни Рождества Пресвятыя Богородицы, по тридневном окрай земли великом побоище, в утро победы пресветлой, ее же и ныне люди помнят...» (II,2,1-2)⁵. Это очевидное указание на Куликовскую битву, которая произошла в праздник Рождества Богородицы (8 сентября по ст. ст.). На Куликовскую битву намекают также место сражения (*окрай земли*) и словосочетание *великое побоище*⁶. Тот факт, что Куликовская битва произошла в праздник Рождества Богородицы, воспринимался как знак особого покровительства, которое Богородица оказывает Русской земле. Характерным образом князь Дмитрий Иванович, согласно «Сказанию», перед походом молится иконе Владимирской Богоматери⁷. В Повести Иванова не только славянская держава в целом, но и новорожденный Светомир находятся под защитой Богоматери.

Сама жанровая форма «Сказания», в котором соединяются элементы воинской повести, жития благоверного князя московского Дмитрия Ивановича и многочисленные фольклорные мотивы, во многом близка Повести Иванова. Написанное своеобразной ритмизованной прозой со спорадическим использованием рифмы, «Сказание» могло быть одним из источников версе (стихоподобной прозы), которым написана Повесть Иванова.

³ См. обширную литературу о древнерусских источниках цикла «На поле Куликовом» (Евреина 1969; Паперный 1977; Левинтон, Смирнов 1979; Усок 1980; Кусков 1980б; Иванов 1984). В своей рецензии на книгу А. Блока «Ночные часы», опубликованной в переводе на английский язык в журнале "The Russian Review", Иванов писал по поводу этого цикла: «В душе поэта поселяется мрачное сомнение в судьбах его страны; и вот перед духовным взором провидит он близящийся натиск монгольской силы; снова должно повториться Куликово поле; еще раз на поле брани мы должны отстоять наши сокровенные святыни от темных и многочисленных азиатских полчищ» (Ivanov 1912:148-149; цитируется обратный перевод Н.В. Котрелева с английского по публикации: Котрелев 1982:166).

⁴ Соответствующий фрагмент романа процитирован в статье Иванова «Вдохновение ужаса (о романе Андрея Белого «Петербург»)» (Иванов 1987:627).

⁵ Цитаты из Повести здесь и далее даются по изданию в кн.: (Иванов 1971). Первая римская цифра обозначает книгу, вторая арабская — главу, третья и последующие арабские — номер стиха.

⁶ Ср.: «...в русских рукописных книгах 40-х гг. XV в — «Рогожском летописце», «Симоновской летописи», «Новгородской первой летописи младшего извода» — содержится краткий рассказ «о великом побоище, иже на Дону...» (Кириллин 2007:12).

⁷ С точки зрения исторической это один из анахронизмов «Сказания»: «В действительности эта икона, почитавшаяся как патрональная икона всей Русской земли, была перенесена из Владимира в Москву в 1395 г., во время движения на Русь войск Тимура» (Дмитриев 1989:376).

Историзм «Сказания» также имел довольно условный характер. Многие известия, которые воспринимаются читателем как исторические реалии, на поверку оказываются религиозно-мистическими символами, которые лишь косвенно соотнесены с реальностью, а подчас даже ей противоречат. Таковы, например, некоторые хронологические и числовые сведения «Сказания» (Кириллин 2007), сообщения о том, что засадный полк атаковал татар в начале «осьмого часа», когда подул «дух южный» (Рудаков 1998) и др. Как известно, в «Сказании» имеется ряд анахронизмов; в частности, «литовский князь, союзник Мамай, назван Ольгердом, в то время как им был сын Ольгерда Ягайло (Ольгерд умер за два года до Куликовской битвы)», «согласно Сказанию, участником событий 1380 г. выступает митрополит Киприан; на самом деле в 1380 г. его в Москве не было» и т.д. (Дмитриев 1989:376).

В текст «Сказания» интерполированы небесные видения. Согласно одному из них, с востока на Куликово поле надвигаются тучи, подобные татарским полкам, а с юга являются два светлых юноши в багряницах и с мечами (Борис и Глеб), которые посекали татарские полки (Шамбинаго 2006:26)⁸. Таким образом, в битве с татарами принимают участие не только православные воины, но и высшие силы, в том числе покровители Руси и великокняжеского рода святые Борис и Глеб. Согласно другому видению, небо разверзлось над русским войском и из него появилась багряная заря; из облака опустилось множество рук, которые надели венцы на головы русских воинов (Шамбинаго 2006:30).

Текст «Сказания» включает многочисленные цитаты из Библии и насыщен религиозной символикой (Гардзанини 2006). Автор «Сказания» уподобляет великого князя Московского то царю Давиду, то Александру Македонскому, то императору Константину, то древнерусским князьям (Борис и Глеб, Александр Невский) (Кусков 1980а). Поход русских войск против татар и сама Куликовская битва воспринимаются автором «Сказания» как важный эпизод мировой христианской истории. Фольклорные топосы, представленные в «Сказании», также насыщены религиозно-мистической символикой (например, «питье общей смертной чаши», «битва как пир» и др.). Все эти характерные черты «Сказания», конечно, очень близки ивановской Повести.

Еще одна причина того, что из разных произведений Куликовского цикла Иванов обратился именно к «Сказанию», обусловлена тем, что в «Сказании» военный поход против татар изображается как богоугодное дело и даже религиозный подвиг. Князь Дмитрий Иванович предстает как боголюбивый князь, который многократно молится перед иконами и гробницами своих предков. Наряду с великим князем важнейшую роль в «Сказании» играет Сергей Радонежский, который выступает как вдохновитель победы православных над иноверными. Посылая вместе с войском монахов Пересвета и Ослябю, преподобный Сергей утверждает единство молитвенного подвига и освободительной войны за торжество православия.

В Повести имеется ряд фрагментов, посвященных походам на «агарян» и сражениям с ними (кн. 2, гл. 15, 21-22; кн. 3, гл. 12-15). Особый характер этих фрагментов определяется их содержанием, стилистическими особенностями, а

⁸ Здесь и далее даются ссылки на текст «Сказания» из рукописи XVI в. (ГИМ, Син. 485), опубликованный С.К. Шамбинаго (Шамбинаго 1906 (2-я паг.):3-37). Текст относится к 2-й редакции «Сказания» по классификации С.К. Шамбинаго (Летописная редакция по Л.А. Дмитриеву). Параллельные места из других редакций, вариантов и списков «Сказания» и других памятников Куликовского цикла не приводятся.

также серией цитат из произведений древнерусской литературы, среди которых наиболее существенны цитаты из «Сказания».

В «Сказании» преподобный Сергей сначала благословляет Дмитрия Ивановича при встрече в Троицком монастыре, а потом посылает к нему гонца, который прибывает к русскому войску утром в день сражения и привозит грамоту, в которой «написано великому князю и всем русским князем мир и благословение и всемоу православному войску» (Шамбинаго 1906:12, 27-28). Отправляя с Дмитрием Ивановичем Пересвета и Ослябю, Сергей «дасть им Христово знамение — миръ и благословение» (Шамбинаго 1906:12). Преподобный Сергей не только благословил князя, но и предсказал ему победу. В «Сказании» особо отмечается, что благословение Сергия вдохновило Дмитрия Ивановича, который «обвеселис срдцем и поиде к Москве, радуяся, яко многоценно сокровище обрете» (Шамбинаго 1906:12).

В Повести Сергию Радонежскому соответствует старец Парфений. Он способствовал выздоровлению Владаря, а потом три дня держал его в своей келье; после этого он благословил Владаря идти со своим полком на осажденный агарянами город и освободить его (II,20,11-14). Во второй раз благословение Парфения передают Владарю два латника-исполина, которые прискакали к войску накануне битвы (II,22:1-2). Они принесли Владарю благословение Парфения и во второй раз, когда явились к нему перед следующей битвой (III,13,7), однако на этот раз отказались остаться и биться вместе с Владарем. Таким образом, ситуация с благословением святого старца в Повести вполне узнаваема, хотя в деталях она и отличается от «Сказания».

В батальных сценах Повести Иванов использует прием удвоения событий. Если в «Сказании» описан один поход против татар, то в Повести представлены две серии эпизодов: в первый раз войско Владаря освобождает осажденный татарами город, вступает с ними сражение и разбивает их (кн. 2, гл. 21-22), во второй раз Владарь вступает в битву с татарами, однако приказывает отступить, снова сражается с ними на Волчьем Поле и снова отступает, сдавая врагу столичный град; позднее ему удается собрать и обучить новое войско и окончательно разгромить врага (кн. 3, гл. 13-15). Соотнесенность этих эпизодов подчеркивается тем, что в обоих к Владарю являются двое монахов-латников с благословением от старца Парфения; при этом в первом случае латники принимают участие в битве, спасают Владаря, когда на него нападает ватага «наездников басурманских», и этим определяют исход битвы, а во втором — требуют от Владаря, чтобы он также надел схиму поверх шлема и встал вместе с ними в сражении как воин-монах; Владарь отказывается, и латники покидают место будущего боя. Прием удвоения порождает эффект драматизации действия и усиливает его внутреннюю конфликтность: знакомясь со вторым эпизодом, читатель естественно сопоставляет второй эпизод с первым, обращая внимания на их сходства и различия.

В «Сказании» Сергей Радонежский, посылая с князем Дмитрием Ивановичем Пересвета и Ослябю, велит им надеть схиму вместо шлемов, причем это одеяние, несомненно, имеет символический характер: «Он <Сергий> же скоро дасть им <Пересвету и Ослябе> в тленных место нетленное оружие — крест Христовъ на скимах, и повеле им вместо шеломовъ воздевати на себя...» (Шамбинаго 1906:12). Напомним, что схима — это особое одеяние, надеваемое монахами, принявшими малую или великую схиму — две последних монашеских степени. Здесь собственно имеется в виду кукуль (от лат. *cucullus* — капюшон, наглавник) великой схимы: «Этот кукуль не только

обнимает голову и плечи со всех сторон, но имеет верх несколько остроконечный и украшается пятью крестами, вышитыми из шнуров красного цвета; кресты эти расположены: на челе, на груди, на обоих плечах и на спине» (Вениамин 1999:248).

Перед началом Куликовской битвы Пересвет вступает в бой с огромным печенегом из татарского войска; при этом отмечается: «И бе на нем <на Александре Пересвете> шелом архаггельскаго образа, вооружен бе скимою по повелению игоумена Сергея...» (Шамбинаго 1906:29).

У Иванова безымянные латники являются к Владарю перед битвой «в забралах железных под схимами» (II,22,1). Во время битвы эти «двое латников под схимою ангельской» спасают Владаря, когда на него «первых наездников басурманских, телом огромных и видом страховитых, наскочила ватага» (II,22,7-8). После битвы латников не находят ни среди живых, ни среди мертвых и поэтому решают, что они погибли.

Во второй раз Владарь встречает «двух всадников богатырских в забралах под схимами» (III,13,2) перед новой битвой. На этот раз латники не только передают ему благословение Парфения, но и требуют, чтобы сам он надел схему поверх своего шлема: «И паки возгласил первый: “Благословение тебе шлет, господине, преподобный старец Парфений и возвестить велит: будева оба с тобою стояти, аще и ты с нами станеши, схимою шлем повив, воин убо и мних смиренный. <...> Сия бо есть Белого Царя тайна: белая поверх венца схема. Такого венца взыщи» (III,13,7,9). Когда позднее к Владарю являются посланцы от пресвитера Иоанна, на них также оказывается кукуль поверх шлема: «...Смуглоликие мужи, благообразные, важные, в куколях монашеских на колпаках железных с обмотом понизу из шелка шафраножелтого...» (IV, 16,2).

Одним из центральных символов «Сказания» является крест: «...образ креста возникает здесь, будучи сквозным, многократно, причем не только как обозначение предмета, но, что гораздо важнее, как знак божественного оружия» (Кириллин 2007:76). Как уже отмечалось, Сергей Радонежский, посылая с князем Пересвета и Ослябю, «дать им в тленных место нетленное оружие — крестъ Христовъ на скимах...» (Шамбинаго 1906:12).

Утром перед битвой князь достал свой «крестъ живоносныи, на нем же бе воображение страсти Господни, в нем же бе древо животное, восплакася горко и рече: На тебе ж надеюся конечное, живоносное древо, крест Господень, иж(е) сим образом явися царю Константиноу греческому и дал еси емоу бран сушоу на нечестивых и неоскудным образом победы их...» (Шамбинаго 1906:27).

В Повести Иванова крест также выступает как центральный и сквозной символ. Провожая Владаря на бой, старец Парфений благословляет его нести перед войском крест, взятый с Егорьевой криницы: «Собери скоро, княже, ратных людей полк изрядный и повели святой крест от криницы Егорьевой перед полком нести, и на град заречный иди, агарянами осажденный, и воинства их, чудодейственного креста победною силою вспомошествоваемый, прогони» (II,20,12).

Перед битвой Владарь «поставил крестоносцев с крестом на холм, первыми лучами озаренный» (II,22,5); после сражения воины ночевали под крестом (II,22,11). После победы Владарь двинулся со своим полком в стольный град «чудотворным крестом предшествуемый» (II,23,1).

По контрасту второй поход Владаря лишен помощи чудотворного креста, причем ситуация изображается таким образом, как будто крест сам отказался идти перед войском Владаря:

«1 В поход снаряжаясь, молил митрополита государь крест славный паки поднять от криницы Егорьевой, да во знамя победное воинам в новом будет бою.

2 Но с недоумением скорбным извинялся владыка: не могли де крестоносцы сильные истягнуть древо из гнезда его, не пошел крест.

3 Умыслил в той печали Епифаний другой крест соорудить, Егорьеву во всем подобный, и нести перед воинством; и не изволил сего Владарь» (III,12,1-3).

Только после того как Владарь вступил в сражение на Волчьем Поле, оставил противнику свою столицу и увел основное войско в леса, православное воинство вернуло себе крестное благословение: «А в те Володаревы станы по немногому времени повалила, под Жихоревым присмотром удалая повольщина с крестами, из дуба, по наставлению Епифаньеву, сооруженными на подобие креста прославленного, что на кринице Егорьевой» (III,15,5).

Сходства между Повестью и «Сказанием» этим не ограничиваются, однако и рассмотренный материал позволяет сделать некоторые выводы.

Цитаты из «Сказания» в Повести многочисленны и достаточно очевидны. Несомненно, Иванов рассчитывал на то, что читатель опознает их и соотнесет с текстом-первоисточником.

Битва на Куликовом поле привлекла Иванова как общеизвестный национальный символ, а также как такое событие, в котором церковь и государство выступали сообща, преследуя цели религиозного и политического освобождения.

Иванов заимствовал из «Сказания» образ святого старца, благословляющего князя на освободительный поход против иноверных захватчиков; образы монахов-воинов, надевших схиму поверх шлема; образ живоносного креста, представляющего собой непобедимое оружие против иноверцев.

Существенная трансформация этих ключевых образов обусловлена тем, что все они в Повести приобрели такую неоднозначность, которая не была им свойственна в памятниках Куликовского цикла. Так, например, старец Парфений не только благословляет Владаря, но и требует от него надеть белую схиму поверх воинского шлема, на что князь не может согласиться. Воины-монахи сначала помогают Владарю в сражении, а потом покидают его; в этом одна из причин того, что войско Владаря вынуждено отступить. Чудотворный крест перед очередным походом по какой-то причине отказывается следовать перед войском Владаря. В каждом из этих случаев возникает непредсказуемая и трудно объяснимая ситуация, своего рода сюжетная загадка, которая придает образам Повести некое глубинное измерение и разрушает автоматизм их восприятия.

Таким образом, читатель оказывается втянут в сложную игру смыслов. С одной стороны, он должен соотнести старца Парфения с Сергием Радонежским, двух латников — с Пересветом и Ослябей, чудотворный крест Повести — с различными крестами в «Сказании». С другой стороны, в самой Повести читателю предстоит сравнить разные эпизоды, в которых выступают старец Парфений, двое безымянных латников и крест с Егорьевой криницы.

Стилизация Повести в духе средневекового произведения приводит к усложнению ее смысловой структуры и расширению интертекстуального поля. Параллельное чтение Повести Иванова и древнерусского «Сказания о Мамаевом побоище» позволяет не только лучше понять замысел Иванова, но и распознать в памятнике древнерусской литературы такие потенциальные смыслы, которые проявляются в средневековом тексте только по прошествии нескольких столетий, в новой исторической ситуации.

Вениамин 1999 — *Вениамин*, архиепископ Нижегородский и Арзамасский. Новая Скрижаль, или Объяснение о церкви, о литургии и о всех службах и утварях церковных. М., 1999 (репринт издания 1908 г.).

Венцлова 1988 — *Венцлова Т.* О мифотворчестве Вячеслава Иванова: "Повесть о Светомире царевиче" // *Cultura e memoria. Atti del tezzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov*. II. Testi in russo. Florence, 1988. С. 27-43.

Гардзанити 2006 — *Гардзанити М.* Москва и «Русская земля» в Куликовском цикле // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2006. № 1(23). С. 105-112.

Евреинова 1969 — *Евреинова И.Н.* Цикл стихов А. Блока «На поле Куликовом» и его источники в древнерусской литературе // *Русская советская поэзия и стиховедение*. М., 1969. С. 151-172.

Дмитриев 1989 — *Дмитриев Л.А.* Сказание о Мамаевом побоище // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л—Я. Л., 1989. С. 371-384.

Иванов 1971—1987/1-4 — *Иванов В.* Собрание сочинений. Брюссель, 1971. Т. 1; 1974. Т. 2; 1979. Т. 3; 1987. Т. 4.

Йованович 1984 — *Йованович М.* Миф о «вечном возвращении» в разделе «Родина» Александра Блока // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1984. Vol. 25(1). P. 61-88.

Кириллин 2007 — *Кириллин В.М.* Таинственная поэтика «Сказания о Мамаевом побоище». М., 2007.

Котрелев 1982 — Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым / Публ. Н.В. Котрелева // *Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка*. 1982. Т. 41. № 2. С. 163-176.

Кусков 1980а — *Кусков В.В.* Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла // *Куликовская битва в литературе и искусстве*. М., 1980. С. 39-51.

Кусков 1980б — *Кусков В.В.* Осмысление поэтических образов древнерусской литературы в цикле стихотворений А. Блока «На поле Куликовом» // *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. 1980. № 6. С. 12-17.

Левинтон, Смирнов 1979 — *Левинтон Г.А., Смирнов И.П.* «На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла // *Куликовская битва и подъем национального самосознания (Труды Отдела древнерусской литературы; Т. 34)*. Л., 1979. С. 72-95.

Паперный 1977 — *Паперный В.* К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока (Цикл «На поле Куликовом») // *Русская филология*. Тарту, 1977. Вып. 5. С. 60-69.

Рудаков 1998 — *Рудаков В.Н.* «Духъ южный» и «осьмый час» в «Сказании о Мамаевом побоище» // *Герменевтика древнерусской литературы*. М., 1998. Сб. 9. С. 135-157.

Усок 1980 — *Усок И.Е.* Куликовская битва в творчестве Александра Блока // *Куликовская битва в литературе и искусстве*. М., 1980. С. 258-277.

Шамбинаго 1906 — *Шамбинаго С.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

Шамбинаго 1907 — Сказание о Мамаевом побоище / С предисл. С.К. Шамбинаго. СПб., 1907 (ОЛДП. Т. 125).

Ivanov 1912 — *Ivanov V. Literary Chronicle // The Russian Review*. 1912. № 2. P. 145-149.